

ПОМЕСТНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ НА ЮГЕ РОССИИ В XVII ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОРОНЕЖСКОГО УЕЗДА)

Е. В. Камараули

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 января 2015 г.

Аннотация: в статье анализируется соотношение размеров поместных окладов, получаемых при верстании, и размеров фактического поместного землевладения служилых людей Юга России. В центре внимания исследования процедура испомещения, т.е. наполнения поместных окладов земельными дачами.

Ключевые слова: служилые люди, десятины, поместье, землевладение, южнорусские уезды, XVII в.

Abstract: in article the ratio of the sizes of the local salaries received at imposition, and the amount of the actual local land tenure the sluzhilykh of people of the South of Russia is analyzed. In the center of attention of research procedure of an ispomeshcheniye, that is filling of local salaries land dachas.

Key words: sluzhily people, desyatn, estate, land tenure, South Russian districts, XVII century.

Изучение истории служилого сословия началось в России в XVIII в. Используя материалы Архива Коллегии иностранных дел, Г. Ф. Миллер в 1776 г. составил записку по истории российского дворянства, подробно остановившись на дворянских службах и чинах, начиная с детей боярских [1]. В XIX в. появились исследования по истории служилого сословия, основанные на разнообразных документах Поместного и Разрядного приказов. Это работы П. И. Иванова [2], И. Д. Беляева [3], Н. П. Загоскина [4], И. А. Порай-Кошица [5], Н. П. Павлова-Сильванского [6]. Усилиями дореволюционных археографов были опубликованы и введены в научный оборот новые исторические источники, в том числе по истории дворянства южнорусских уездов [7].

В советский период проблематика, связанная с комплексным изучением дворянства, оказалась не слишком востребованной. Тем не менее ряд аспектов истории служилого сословия – вопросы военной службы, социального положения и землевладения – изучались в работах А. А. Новосельского [8–10], В. М. Важинского [11], О. А. Шватченко [12]. Современная историография служилого сословия переживает настоящий подъем. В работе В. Н. Козлякова исследовано функционирование служилого «города» в период от Смуты до Соборного уложения 1649 г. [13]. Вышла обобщающая монография Т. А. Лаптевой по истории провинциального дворянства в XVII в. [14]. Вместе с тем, отдельные научные проблемы, касающиеся истории служилого сословия, все еще дожидаются своих исследователей. Представляется актуальным продолжить изучение региональной специфики служилых корпораций, особенностей

испомещения и землевладения. К настоящему моменту рассмотрены размеры фактического землевладения и обеспеченность рабочими руками нижегородской служилой корпорации в первой четверти XVII в. [15], история дворянства Елецкого уезда [16], особенности службы иноземцев в Московском государстве XVII в. [17], численный состав служилых людей городов Белгородского разряда по материалам разбора 1697 г. [18]. Участие воронежского дворянства в местном управлении на Юге России подробно исследовано в трудах В. Н. Глазьева [19–21].

На протяжении XVII в. Юг России был заселяемой и осваиваемой территорией [22]. Поскольку южное «дикое поле» было опасным пограничьем, значительная роль в колонизации края принадлежала служилым людям, дворянам и детям боярским. Исторически сложилось так, что преобладающим типом служилого землевладения на Юге России стало мелкое поместье [11]. В рамках настоящего исследования на материалах Воронежского уезда анализируется соотношение размеров поместных окладов, получаемых при верстании, и размеров фактического поместного землевладения служилых людей Юга России XVII в. В центре внимания исследования процедура испомещения, т.е. наполнения поместных окладов земельными дачами.

В качестве источниковой базы привлечены документы воронежской приказной избы, отложившиеся в одноименном фонде Государственного архива Воронежской области. Делопроизводство приказных изб представляется интересным для изучения источником, поскольку отражает деятельность администрации на активно осваиваемых окраинах государства. В указанном фонде отложились разнообразные документы, связанные с социально-экономической историей слу-

жилого сословия. Это челобитные служилых людей о верстании поместными и денежными окладами и о наделении земельными дачами, выписи из мерных, межевых, отдельных, отказных книг, выписи из писцовых и переписных книг, служившие юридическим основанием землевладения или дворовладения, а также сопутствующие процедуре отделения земель материалы сысков, сказки, допросы и расспросные речи. Из опубликованных источников использованы материалы воронежских десятиен, изданных В. Сторожевым в конце XIX в. Это разборная десятина 1621/22 г. и две верстальные десятины – 1632 и 1638 гг. [7].

Наделение поместным и денежным окладом, иначе говоря, верстание, определяло статус служилого человека и потому было важной вехой в его жизни. Оклады воронежских служилых людей были невелики, что наглядно демонстрируют упомянутые выше десятины. В 1621/22 г. 157 человек было поверстано поместными окладами от 100 до 300 четвертей (с шагом в 50 четвертей) и денежными – от 4 до 9 руб. В 1632 г. 60 человек было поверстано поместными окладами от 70 до 250 четвертей (по пяти статьям: 70, 100, 150, 200, 250 четвертей); денежными окладами от 3 до 8 руб. В 1638 г. было поверстано еще 29 человек окладами от 100 до 200 четвертей и от 4 до 6 руб. При этом оклады служилых новиков были чуть выше, чем оклады неслужилых [там же, с. 89–94, 102–110]. По сравнению с окладами служилых людей в Центральной части России такие размеры окладов следует считать пониженными. В частности, В. Н. Козляков приводит размеры новичных окладов в целом по России, которыми верстались служилые люди в разбор 1621/22 г. Поместные оклады колебались в размере от 100 до 350 четвертей, а денежные – от 5 до 12 руб., оклады служилых новиков также были чуть выше, чем оклады неслужилых [13, с. 92].

Как показано выше, денежные оклады воронежских дворян и детей боярских были невелики. Не останавливаясь подробно на проблеме денежного обеспечения служилого сословия, считаем нужным отметить некоторые обстоятельства. Подавляющее большинство воронежских служилых людей получало денежное жалованье «с городом». Всего четверо служилых людей из указанных в десятине 1621/22 г. получали жалованье «из чети». По мнению В. Н. Сторожева, «четвертки» составляли лучшее «избранное меньшинство города» в составе местной служилой корпорации [23, с. 82]. Действительно, из воронежских «четвертчиков» двое были записаны по «дворовому» списку, а двое принадлежали к городovým детям боярским. Четвертные приказы (четверти или чети) были созданы для сбора податей с целью последующего их распределения между служилыми людьми Московской Руси [24, с. 203]. Жалованье «из чети» было ежегодным, в отличие от жалованья, выплачивавшегося «с городом». Учитывая высокую

стоимость лошадей [25, с. 145–146] и воинского снаряжения [14, с. 319], денежное жалованье воронежских служилых людей с трудом давало возможность единожды снарядиться для службы.

Оценив размеры окладов, перейдем к вопросу о поместных дачах. Материалы десятиен свидетельствуют, что фактические поместные дачи были гораздо меньше окладов. Поместные оклады 165 воронежских служилых людей, исключая новиков, колебались в 1621/22 г. в размере от 100 до 600 четвертей, при этом их поместные дачи наличествовали в размере от 10 до 2501 четвертей, у троих поместий не было (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Размеры фактического поместного землевладения воронежских служилых людей в 1621/22 г.

50 четвертей и менее ¹		От 51 до 99 четвертей		От 100 до 200 четвертей		От 201 до 250 четвертей	
чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
70	43,2	58	35,8	31	19	3	2

Как следует из табл. 1, большинство служилых людей оказалось в категории малопоместных. Наряду с этим, 79 % служилых людей имели поместные дачи менее 100 четвертей, т.е. величина их поместий не достигала размеров минимального оклада. Наполняемость окладов поместными дачами колебалась в среднем от 10 до 40 % [7, с. 78–88].

Если верстание окладом было в компетенции Разряда, то раздача поместий находилась в ведомстве Поместного приказа. Дворянин или сын боярский мог получить у государства новое поместье, мог «унаследовать» при условии несения службы поместье отца, деда и т.п. или наполнить свой поместный оклад в результате частноправовой сделки – мены или поступки, в том числе получения «прожиточного» поместья. Причем по закону любое такое поместье полагалось «справить» – зарегистрировать в Поместном приказе [11, с. 128]. Рассмотрим, как происходила государственная раздача новых поместий в Воронежском уезде.

Территория Воронежского уезда, особенно в первой половине столетия, была слабо освоенной, большая часть земель представляла собой «дикое поле», целинную степь и лесостепь [22, с. 4]. Несмотря на постепенное вовлечение земли в хозяйственный оборот, раздача поместий государством осуществлялась в основном из фонда нераспаханных земель. В резерв раздачи входили также ранее обрабатываемые земли, запустевшие от татарских набегов, и выморочные поместья, т.е. оставшиеся без наследников. Зачастую служилый человек сам подыскивал подходящие земли и затем подавал челобитную о передаче пустующих земель ему в поместье.

В 1630 г. воронежские дети боярские В. и Ф. Струковы и В. Козлов подали челобитную о передаче им

¹ Здесь и далее – количество земли в одном поле.

поместной земли в селе Телечино в размере 80 четвертей. Среди челобитчиков только у В. М. Струкова было поместье чуть более 100 четвертей при окладе в 250 четвертей, В. Г. Козлов и Ф. Струков были поверстаны окладами в 250 и 200 четей соответственно, но оба оказались беспоместными. Челобитчики претендовали на землю, принадлежавшую детям боярским Т. Коширенинову, Н. Елшину, Ф. Сенцову и С. Последову. По утверждению челобитчиков, эти помещики незаконно владели землей, «без дач, самовольством, по воровской отдельной выписи, а написал, де, тое выпись воровски подьячей Григорей Чарыков, и ныне, де, те их поместья порозжы, не отданы никому». Осадному голове П. М. Шишкину было поручено провести «сыск» по поводу законности владения указанными поместьями [26]. В 1634/35 г. воронежские дети боярские, братья Н., Г., И., Т. Искрины и В. Г. Неретин, просили пожаловать их пустошью в Карачунском стане Воронежского уезда. Урочище, присмотренное челобитчиками, располагалось по берегам небольших рек Синки, Мечки и Крутца и представляло собой дикое поле размером около 70 четвертей, лежало «порозжо, и в поместье и в вотчину никому не отдано» [27].

Подобная практика наблюдалась и во второй половине столетия. Хотя неосвоенных земель становилось меньше, служилые люди продолжали предприимчиво подыскивать себе новые пашенные земли и угодья. Образец такого деятельного подхода можно найти в известном воронежском семействе Лосевых. В 1654 г. сын боярский О. Лосев обратился в Поместный приказ с просьбой о прирезке ему поместных земель за счет «дикого поля» в Усманском стане Воронежского уезда. Одновременно он вместе с воронежскими детьми боярскими В. Т. Михневым, А. П. Шишкиным, Н. И. Пешуровым подал челобитную о дележе выморочного поместья воронежского сына боярского Я. А. Фролова. В 1656 г. дело с имением Фролова было решено. Лосеву достался починок Фомин и жеребей в селе Сенном в доле с сыном боярским А. П. Шишкиным. В 1674/75 г. А. Лосев обратился в Поместный приказ о выделении ему в поместье «дикого поля». На основании его челобитной воронежским воеводой был проведен «обыск», есть ли пустующие земли на территории Чертовицкого стана в районе села Рамонь [28, с. 19–21]. В 1688 г. И. Лосев просил передать ему в поместье угодья по рекам Перлевке и Девице Борщевского стана, отданные на оброк помещикам села Губарево, а также угодья по реке Хаве Усманского стана Воронежского уезда, бывших на оброке у Семилуцкого монастыря [29, с. 115].

В 1687 г. воронежские служилые люди А. Л. Желтухин и М. Т. Трупченинов присмотрели себе поместье в урочище в районе Моклока в Усманском стане размером в 40 четвертей, указывая, что «та, земля меж

помещиковых дач лежит порозжа, никому не отдана, и ни х каким землям не приписана, и не владеет тем диким полем ниhto» [30]. В 1681/82 г. воронежскому солдату Т. П. Бухонову по его челобитной было выделено в поместье 20 четвертей дикого поля «за рекою Доном на крымской стороне по конец дач деревни Верхней Малышевой». Во время Крымского похода 1687 г. Бухонов сбежал со службы. В следующем 1688 г. воронежский подьячий И. Савин просил передать ему указанное «дикое поле». После смерти И. Савина в 1691/92 г. «диким полем» незаконно завладел стрелецкий сын А. Черенков. В начале 1692 г. Поместный приказ распорядился передать это поместье воронежскому дворянину П. Л. Михневу по его челобитной, отобрав земли у А. Черенкова на том основании, что «стрельцам поместий давать не велено» [31].

Итак, рассмотрев прошение челобитчика, Поместный приказ распоряжался об «отказе» или «отделении» ему поместья. Непосредственное отделение земель возлагалось на представителей местной власти – городских воевод. Городовой воевода распоряжался об отведении поместных земель, назначая отказчика, который действовал на основании воеводской памяти. Как правило, воевода назначал отказчика из числа местных дворян и детей боярских. Например, отказчиками выступали воронежские служилые люди: Т. Кочапин в 1635 г. отказывал земли воронежским детям боярским [32], Т. И. Михнев [33] в 1664 г. занимался отведением поместий полковым солдатам на территории Воронежского уезда [34], в разные годы отказчиками выступали воронежские служилые люди Ф. Г. Струков, Т. А. Донской, В. Кунаковский и др. [35–37].

Отказчик отправлялся на земли, подлежащие отведению в поместье. Вначале он должен был установить принадлежность земли, действительно ли она пустовала или, напротив, принадлежала кому-либо, была на оброке. Таким образом, отказчику надлежало произвести «повальный обыск» по инструкции: «взять с собою тутошних и сторонних людей, попов и дьяконов, и старост, и целовальников, и крестьян, сколько человек пригож, да около тех поместей сыскать всякими сысками накрепко, попы и дьяконы по священству, а дворяны, и детьми боярскими, и их приказчики, и старосты, и целовальники и крестьяны по нашему крестному целованью», лежит ли земля «порозжа» или кто-нибудь ей владеет [26]. В случае выявления владельца земли надлежало его расспрашивать, требовать предъявления документов о владении и писать с них копии. В помощниках у отказчика должен был состоять дьячок или подьячий.

При отказе «дикого поля» производилось измерение земли под пашню, усадьбу, крестьянские дворы, огороды, гумна, измерение лесных и рыболовных угодий, сенных покосов. По коллективной челобитной

солдат Белгородского полка Т. И. Михнев в 1664 г. «ездил в Воронежский уезд в Карачунский стан на пустошь дикое поле под дубовой лес в верховья речки Ериловки, взяв с собою тутошних и сторонних людей, сколько человек пригож, и в тех урочищах переписал усады в верховьях реки Ериловки под дубовым лесом, а полянку Севрячью под дворы, и под огороды, и под гуменники в длину по 40 сажен, а поперек по 30 сажен человеку. И дикого поля на пашню по 50 чети человеку в поли, а в дву по тому ж». В итоге было вымерено сенных покосов по 100 копен на человека и 1300 четвертей земли под пашню. При этом 1050 четвертей земель было отказано солдатам в поместье по норме 50 четвертей на челобитчика, а остаток в 250 четвертей был «отписан на государя» для последующих раздач. В процессе измерения земли в качестве свидетелей присутствовали священник и дети боярские села Вербилова и деревни Круглой, располагавшихся по соседству. По итогам измерения земли всегда составлялись мерные книги, которые содержали также подробную информацию о межах и гранях, т.е. знаках, определявших границы частных владений. В качестве межей выступали речки, колодези, озера, лесные участки (дубравы, липяги, осинового колки и т.п.), грани вырубались на заметных, одиноко стоявших деревьях, чаще на дубах из-за их долговечности, например, «дуб крековист, на нем грань» [34].

Постепенно при отведении земли в поместье формировалась некая совокупность документов: царская грамота воеводе, воеводская память отказчику, «сказки», расспросные речи и другие документы, составленные во время «обыска», мерные книги. Этот делопроизводственный комплекс дополнялся отказными и отдельными книгами. Отказные или отдельные книги можно отнести к разновидности писцового делопроизводства. Выписки из писцовых книг служили юридическим основанием землевладения. «Справливая» поместье в Поместном приказе, служилый человек получал ввозную грамоту как основной документ, подтверждающий феодальное право владения землей и крепостными. Но у провинциальных помещиков не всегда была возможность получить такую грамоту из-за бедности или нехватки времени для поездки в столицу. Мелкие воронежские помещи-

ки зачастую не располагали даже выпиской из писцовой книги, отдельной или отказной книги. Эта ситуация наглядно проявилась во время верстания воронежских новиков в 1638 г. Из 22 поместных новиков 14 человек не смогли предъявить никаких документов на владения, 6 предъявили ввозные грамоты с подписями дьяков Поместного приказа, 2 владели поместьями на основании выписей из отказных книг, заверенных воеводской печатью [7, с. 106–110].

В августе 1635 г. воронежский сын боярский Т. Кочапин отделял поместную землю 24 воронежским дворянам и детям боярским: П. Шишкину, Д. Суворинову, Я. и В. Столповским, Я. и М. Пареным, Н. Елшину, Д. Чернышеву, П. Безсонову, И. Зайцеву, Я. Солицыну, К. Змееву, С. Кретиному, Л. Костомарову, Л. Зеновьеву, Т. Старову, Л. Гордееву, И. Миккульшину, С. Коростелеву, М. Шипилову, С. Косматому, А. Анохину, М. Шелякину, Т. Новикову. Была составлена выпись с отдельных книг, заверенная печатью воеводы М. С. Языкова. Выпись фиксировала факт передачи в поместье «дикого поля» в Воронежском уезде в Уманском стане по берегам рек Уманки и ее притока – реки Приваловки, включая пашню, лес, сеножати, рыбные ловли, места под усадьбы, крестьянские дворы и т.д. Описанные в книге межи и грани отделяли данное урочище в целом, не фиксируя границ между владениями каждого отдельного помещика. В выписи были названы размеры окладов всех 24 служилых человек, в основном по 100, 150, 200 четвертей. Перечислены фактические поместные дачи на момент отделения земли. Поместья в размере от 37 до 101 четверти были у 15 человек, исключение составил П. Шишкин, владелец 425 четвертей поместной земли. Всего было отделено 360 четвертей земли, но при этом в выписи названы только 9 человек, получившие новые земли общей площадью в 340 четвертей. Что произошло с 20 четвертями остатка и как отделялись земли остальным служилым людям, неизвестно. Логика раздачи земли не совсем ясна, поскольку землю получили далеко не беспоместные и малопоместные служилые люди. Поместные дачи Д. Чернышева и Д. Суворинова, например, превысили их оклады, указанные в той же выписи (табл. 2) [32].

Т а б л и ц а 2

Наделение поместной землей воронежских дворян и детей боярских в 1635 г. отдельщиком Т. Кочапиным

№ п/п	Ф.И.О.	Оклад (в четвертях)	Поместная дача до отдела 1635 г. (в четвертях)	Придано в 1635 г. (в четвертях)
1	П. Шишкин	550	425	30
2	Л. Костомаров	150	60	30
3	Л. Зеновьев	100	60	30
4	Д. Суворинов	100	80	50
5	С. Коростелев	150	37	50
6	Н. Елшин	150	100	50
7	Д. Чернышев	100	100	50
8	Я. Столповский	100	50	25
9	Т. Новиков	150	50	25

Сохранились выписи из отдельных и отказных книг, выданные воронежским помещикам в индивидуальном порядке. Например, П. М. Шишкин стремительно приращивал свои владения. Если в десятилетие 1621/22 г. за ним числилось 230 четвертей поместья, то в 1635 г. – уже 455 четвертей. В 1636/37 г. отказчик В. Кунаковский отделил Шишкину еще 32 четверти земли «дикого поля» в Борщевском стане. Согласно выписи из отдельных книг, заверенной печатью воеводы князя С. И. Козловского, новые владения включали места «под дворы, и под огороды, и под гуменники», данные ему «на убежища от татарских войны» в районе озер Перекатного, Кривого и Долгого, и 7 четвертей пашни. Еще 25 четвертей было отделено Шишкину «в сельце Костенках на старых селищах», а также усадьба в районе озера Погонного. П. Шишкину принадлежали обширные лесные угодья, сеножати, хмелевые болота, охотничьи угодья – «вспуды, и перевесья, и звериные стойла». Рыболовные угодья располагались по реке Дон («звено»), озерам Погонному, Плоскому, Суходольному, Глубокому, Истобному, Подгорному. Крестьянские дворы, если таковые имелись, также фиксировались в выписи вместе с наличным мужским населением. Например, в Костенках у П. Шишкина было два крестьянских двора [35].

Отказные книги регистрировали не только отделение «дикого поля», но и другие земельные сделки. Например, отказная книга Ф. Г. Струкова 1668/69 г. зафиксировала «поступку» в поместье воронежцу И. П. Хрюкину прожиточного поместья его невесты Евгении, вдовы воронежского сына боярского М. Боровского. Поместье располагалось в селе Мечка. В жеребей Хрюкина вошло 15 четвертей пашни, два крестьянских двора, а угодья в совместном пользовании с остальными мечковскими помещиками [36].

Отказная книга, в отличие от столбцов, сшивалась по листам крепкой веревкой. Снизу по листам книги проставлялись подписи рукоприкладства воеводы, отказчика и свидетелей «обыска», заверявших книгу. На последнем листе дьячок, писавший отказ, указывал свое имя. Например, отказная книга 20 мая 1678 г. на поместье братьев И. Я. и Г. Я. Стуровых – жеребей в деревне Малининой. Книга заверена подписями воеводы М. М. Карташова, отказчика Т. А. Донского и священника села Мечка, приложившего руку вместо своих прихожан – свидетелей отказа, вписанных в текст книги. Свидетелями выступали 6 детей боярских и 5 крестьян деревни Малининой, и 8 детей боярских и 2 крестьян села Мечка. Отказчик прибыл на жеребей Стуровых в деревне Малининой и при свидетелях переписал два наличных крестьянских двора, 15 четвертей пашни, указав подробно межи пашенной земли, санные покосы, также с описанием межей лес «хороменной и дровяной» по реке Мещерке и «звено» реки Воронеж для рыбной ловли. Отказ-

ная книга хранилась у братьев Стуровых как документ, подтверждающий их право владения помещьем [37].

В заключение отметим, что развитие преимущественно мелкого поместного землевладения на Юге России было обусловлено незначительными размерами поместных окладов и слабой наполняемостью этих окладов фактическими поместными дачами. Чтобы исправить ситуацию в свою пользу, дворяне и дети боярские деятельно подыскивали подходящие земли и угодья, иницируя процесс собственного испомещения. Наметилось выделение зажиточной верхушки служилого «города» – наиболее крупных землевладельцев, активно расширявших свои поместные дачи. Характерной чертой испомещения было наделение служилых людей поместьями из фонда целинных земель, особенно активно происходившее в первой половине XVII в. Указанная тенденция сохранялась и во второй половине столетия, несмотря на постоянное сокращение размеров «дикого поля». Имели место самовольные захваты земель служилыми людьми, но в целом испомещение происходило под контролем центральных и местных властей. Законные права владельца поместья возникали вследствие определенной процедуры испомещения и опирались на документы писцового делопроизводства – писцовые, отказные и отдельные книги. Непосредственными отказчиками земли выступали представители местной служилой корпорации – воронежские дворяне и дети боярские.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллер Г. Ф. Известие о дворянх [Российских] / Г. Ф. Миллер // Сочинения по истории России : избранное / сост., ст. А. Б. Каменского. – М., 1996.
2. Иванов П. И. Систематическое обозрение поместных прав и обязанностей, в России существовавших, и с историческим изложением всего, до них относящегося / П. И. Иванов. – М., 1836.
3. Беляев И. Д. Жители Московского государства : служилые люди / И. Д. Беляев // Временник МОИДР. – 1849. – Кн. 3.
4. Загоскин Н. П. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси / Н. П. Загоскин. – Казань, 1876.
5. Порай-Кошиц И. А. Очерк истории русского дворянства от половины X до конца XVIII века : 862–1796 / И. А. Порай-Кошиц. – СПб., 1874.
6. Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди / Н. П. Павлов-Сильванский. – М., 2000.
7. Сторожев В. Н. Воронежское дворянство по десятилетиям XVII века / В. Н. Сторожев // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. – Воронеж, 1894.
8. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке / А. А. Новосельский. – М. ; Л., 1948.

9. Новосельский А. А. Правящие группы в служилом «городе» XVII в. / А. А. Новосельский // Ученые записки Института истории РАН ИОН. – М., 1928. – Т. 5.

10. Новосельский А. А. Распад землевладения служилого «города» в XVII в. (по десятиям) / А. А. Новосельский // Русское государство в XVII веке. – М., 1961.

11. Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке / В. М. Важинский. – Воронеж, 1974.

12. Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII века / О. А. Шватченко. – М., 1990.

13. Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения) / В. Н. Козляков. – Ярославль, 2000.

14. Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство в России в XVII веке / Т. А. Лаптева. – М., 2010.

15. Чеченков П. В. Нижегородский служилый «город» в 20-х гг. XVII в. : обеспеченность землей и рабочими руками / П. В. Чеченков // Русь, Россия : Средневековье и Новое время. – М., 2013. – Вып. 3.

16. Ляпин Д. А. Дворянство Елецкого уезда в конце XVI–XVII вв. : историко-генеалогическое исследование / Д. А. Ляпин. – Елец, 2008.

17. Скобелкин О. В. Рота «бельских немцев» на службе в Украинном разряде / О. В. Скобелкин // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2013. – № 2.

18. Дудина О. В. Служилые люди Белгородского разряда (по материалам разбора 1697 года) / О. В. Дудина // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2014. – № 2.

19. Глазьев В. Н. Власть и общество на Юге России в XVII веке : противодействие уголовной преступности / В. Н. Глазьев. – Воронеж, 2001.

20. Глазьев В. Н. Воронежское дворянство XVII в. : роль в местном управлении / В. Н. Глазьев // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 2000. – Вып. 8.

21. Глазьев В. Н. Опыт генеалогического изучения служилого «города» XVII в. : коллективный портрет

воронежских губных старост / В. Н. Глазьев // Вспомогательные исторические дисциплины : специальные функции и гуманитарные перспективы. – М., 2001.

22. Загоровский В. П. Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI век – начало XVIII века) / В. П. Загоровский // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. – Воронеж, 1987.

23. Сторожев В. Н. К вопросу о четвертиках / В. Н. Сторожев // Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). – 1892. – № 1.

24. Лисейцев Д. В. Четвертные приказы в России начала XVII века / Д. В. Лисейцев // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 3 (1).

25. Раздорский А. И. Конская торговля в Белгороде в XVII в. (по данным таможенных книг) / А. И. Раздорский // Русь, Россия : Средневековье и Новое время. – М., 2013. – Вып. 3.

26. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. И-182. – Оп. 6. – Д. 43. – Л. 1–4.

27. ГАВО. – Ф. И-182. – Оп. 6. – Д. 82. – Л. 1–15.

28. Камараули Е. В. Воронежский служилый род Лосевых в XVII веке / Е. В. Камараули // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 2013. – Вып. 20.

29. Камараули Е. В. Эксплуатация природных ресурсов на южных окраинах Российского государства в XVII веке / Е. В. Камараули // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2013. – № 2.

30. ГАВО. – Ф. И-182. – Оп. 5. – Д. 113. – Л. 1–6.

31. ГАВО. – Ф. И-182. – Оп. 5. – Д. 135. – Л. 1–5.

32. ГАВО. – Ф. И-182. – Оп. 5. – Д. 48. Л. 1–2.

33. Камараули Е. В. Воронежский дворянский род Михневых в XVII–XIX вв. / Е. В. Камараули // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 2014. – Вып. 21.

34. ГАВО. – Ф. И-182. – Оп. 3. – Д. 53. – Л. 1–3.

35. ГАВО. – Ф. И-182. – Оп. 5. – Д. 3. – Л. 1.

36. ГАВО. – Ф. И-182. – Оп. 5. – Д. 33. – Л. 1–2.

37. ГАВО. – Ф. И-182. – Оп. 7. – Д. 21. – Л. 1–3.

Воронежский государственный университет

Камараули Е. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории

E-mail: kamarauli@bk.ru

Тел.: 8 (473) 239-29-34

Voronezh State University

Kamarauli E. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Political History Department

E-mail: kamarauli@bk.ru

Tel.: 8 (473) 239-29-34